М. В. Яценко
(СПб. гос. ун-т телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича)

**МОТИВЫ СМЕРТИ И ИЗГНАНИЯ В
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ИСХОД»: ПРИНЦИПЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМОВ ЭПИЧЕСКОГО
ПОВЕСТВОВАНИЯ В ХРИСТИАНСКОМ ЭПОСЕ**

В статье рассматриваются принципы использования мотивов тем смерти и изгнания в древнеанглийской поэме «Исход» с целью сравнения принципов реализации данных тем в героическом и христианском эпосе и описания поэтики последнего. Хотя сами темы практически не развертываются последовательно в тексте поэмы, ряд их мотивов (лишение изгнанника жизненных благ, путь в изгнание, эмоции изгнанников, предчувствие/ обнаружение близкой смерти) возникают в ключевых эпизодах поэмы: зачин, завязка (рассказ о египетских казнях), кульминация (описание уstraшившихся израильтян на берегу Красного моря), развязка (гибель египтян) и мораль (рассказ о посмертном воздаянии). Проведенный анализ показывает семантическую и формальную трансформацию данных мотивов.

Ключевые слова: древнеанглийская поэма «Исход», эпическая тема, тема изгнания, тема смерти, христианский эпос.

M. V. Yatsenko
(Bonch-Bruevich St.Petersburg State University of Telecommunications)

Motifs of Death and Exile in the Old English Poem *Exodus*: Principles of the use of epic narration techniques in the Christian epic

The article deals with the problem of the use of epic narrative techniques in the Old English Christian epic. Epic themes or type-scenes traditionally believed to be the sign of oral epic are analysed in the text of Old English Christian epic poem *Exodus* that elaborates the Old Testament plot in a highly allegoric manner. The analysis of the formulaic motifs comprising the themes of death and exile shows their affinity and the change in form and meaning as compared to the texts of heroic epic (especially those viewed as typical for Old English poetry in the works by S. B.Greenfield and P .B.Taylor). The formulas for the status of exile are used not for one man as we see it in heroic poetry, but for the whole nation when it is shown in extreme conditions: coming out of Egypt, in face of the threat of Egyptians on the shore of the Red Sea. Formulas denoting the status of exile also appear in the final part of the poem, referring to all the people before Doom. The motif of way to or in exile is also used for

description of Israelites and Egyptians. Although traditional motifs of the theme of death contain the description of movement, the scene of Egyptians' death in the Red Sea waves underlines the lack of way out for them, which can be viewed as the lack of the possibility for salvation. This additional meaning of this motif can be seen in the *Bede's death song*, the text of great importance for the understanding of the Old English Christian poetry. Analysing the epic themes of death and exile in *Exodus* against the background of the Old English heroic poetry the author of the article comes to the conclusion that they were both transformed formally (as the formulaic form of their motifs was changed) and semantically as they were used for expressing ideas different from those expressed in the heroic poetry.

Keywords: Old English poem *Exodus*, epic theme, theme of exile, theme of death, Christian epic.

В исследованиях поэтики древнеанглийской поэзии пальма первенства принадлежит поэме «Беовульф» и текстам героической поэзии. Не менее значительными по объему были древнеанглийские поэмы на библейские темы (прежде всего, переложения, входящие в Кодекс Юниуса, поэмы «Бытие», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана»). Оригинальность композиции и трактовки библейских образов и сюжетов в этих произведениях подтверждает необходимость их изучения как самостоятельного жанра. Поэтика этого жанра требует внимательного рассмотрения, в том числе и потому, что она использует средства построения текста, типичные и для героического эпоса. В рамках «устной» теории эта особенность понималась лишь как свидетельство тождества двух традиций (Magoun 1968). При этом использование эпического стиля устным певцом, его приспособление для разной аудитории (Lord 1994: 24–32) не воспринималось как создание новой традиции, а изменению семантики стилистических средств не уделялось должного внимания. Однако анализ древнеанглийской поэзии в целом показывает невозможность ее рассмотрения в рамках только «устной» теории (Benson 1966; Kleiner 2013), а исследования произведений христианской тематики демонстрируют не только использование, но и переосмысление в них мотивов, составляющих те или иные эпические темы (Bjork 2002).

«Эпическая тема» (англ. *epic theme*) или «типовая сцена» (англ. *type-scene*) представляет собой прием построения эпизода, состоящий из набора повторяющихся в ряде произведений мотивов. Темы смерти и изгнания достаточно подробно изу-

чены в исследованиях древнеанглийской героической поэзии и элегий, а также в некоторых переложениях евангельских сюжетов¹. Среди мотивов темы смерти в поэме «Беовульф» П. Тейлор выделил: обнаружение смерти, фатальность событий, предстоящий печальный путь, песнь смерти (Taylor 1967). К мотивам эпической темы изгнания С. Б. Гринфильд относит: описание статуса изгнанника, лишения его жизненных благ, пути в изгнание, а также эмоций изгнанника (Greenfield 1955). Обе темы, как мы видим, содержат описание пути, которое реализовывалось несколько по-разному. Обе эти темы обозначают наибольшие несчастья для человека. Близость изгнания и смерти подтверждается и историческими свидетельствами: изгнание было для германцев одной из тяжелейших форм наказания за серьезные провинности, которая в ряде случаев приравнивалась смерти. В поэме «Исход» данные темы не анализировались. Возможно, потому, что в ней используются не все, входящие в них мотивы. Однако мотивы, соотносимые этими темами, достаточно широко используются в момент завязки основного действия (рассказ о египетских казнях), кульминации (описание израильтян на берегу Красного моря) и развязки (гибель египтян в водах моря), а также в заключительном фрагменте, который представляет собой своеобразный эпилог или мораль и обращен непосредственно к аудитории. Помимо того, что мотивы данных тем возникают в моменты, значимые для развития сюжетного действия, их семантика и наполнение значительно меняются по сравнению с героическим эпосом.

Близость тем смерти и изгнания просматривается еще в зачине поэмы: «Hwæt, we feor and neah/ gefrigen hab[b]að// ofer middangeard / Moyses domas, // (wræclico wordriht, / wera cneorissum — // in uprodor / eadigra gehwam// æfter bealuside/ bote lifes, // lifigendra gehwam/ langsumne ræd)// hæledum secgan! / Gehyre se ðe wille!//» — «Истинно, мы далеко ли, близко ли/ слышали// в срединном мире/ о Моисея законах// (об удивительных словесных уставах/ людей поколениям — // на небе/ из блаженных каждому// после смертного путешествия/ о вознаграждении за жизнь, // из живущих каждому /о вечном совете) //

¹ В частности, в поэмах о Христе «Христос I, II, III» (Greenfield 1989)

воинам говорили!// Да внемлет тот, кто возжаждет!//» (Ex 1–7)². Здесь, описывая идею воздаяния человеку за грехи после смерти, автор называет его путь несчастным, путем страданий — *bealuside* (Ex 5), тем самым отсылая к теме смерти (ср.: Ex 5a *æfter bealuside* и формула темы смерти *sorgfullne siþ* Beo 512a, 1278a, 1429a, которую среди прочих приводит П. Тейлор (Taylor 1967: 271)). Словесные уставы или заветы Моисея именуются чудесными, удивительными (*wræclico wordriht* Ex 3a), обозначение *wræclico* созвучно с именованием изгнания (ср. *wracu f.* — *suffering, exile* — «страдание», «изгнание»), или изгнанника (ср. *wræcmon m.*, *fugitive, exile* — «беглец», «изгнанник»), употребленными в этой же поэме³. Таким образом, зачин поэмы связывает с данными темами представления о посмертном воздаянии и страданиях в земной жизни.

Наиболее очевидно переосмысление семантики эпической темы просматривается при анализе использования мотивов темы изгнания. В христианской поэзии при помощи данной темы описывались герои, отторгнутые от общества: это и Грендель, и Сатана, и Адам после грехопадения и изгнания из рая, и герои элегий («Морестранник», «Скиталец»), которые по каким-то причинам лишены возможности общения с людьми, дружинных пиров и мирских радостей. Христианское осмысление мира привнесло дополнительные смыслы в данную тему за счет ассоциаций изгнанничества с отшельничеством, жизнью монахов и святых. Во многом поэтому в элегиях и в поэме «Даниил»⁴ эта тема используется для описания внутреннего состояния отдельного человека, его душевных переживаний и покаяния. Семантика данного концепта испытала значительное влияние христианской традиции⁵.

В «Исходе» отдельный человек оказывается объектом описания лишь в самом начале поэмы — это пророк Моисей, который жил в пустыне в момент своего призвания. Однако при

² Здесь и далее текст поэмы «Исход» приводится с переводом автора статьи по изданию (*Exodus* 1953) с указанием в круглых скобках номера строки и сокращением Ex (*Exodus*)

³ Значения этих слов приведены по глоссарию Ирвинга (Irving 1953).

⁴ Тема изгнания используется в поэме «Даниил» для описания сумасшествия царя Навуходоносора, о чем мы подробно писали на страницах этого издания в 2017 году.

⁵ Чернисс рассматривал этот концепт как часть дохристианской картины мира англосаксов (Cherniss 1972)

изложении этого сюжета тема изгнания не развивается, напротив, жизнь пророка в пустыне описывается как счастливое общение с Богом, он получает силу и могущество для своих дальнейших подвигов. Ситуация исхода из Египта изложена с использованием разного рода топосов, обозначающих несчастья в самом общем смысле. Хотя египетские казни как таковые не описаны, указание на убийцу (Ех 37–41), гибель и трупы (Ех 41) отсылает к идее смерти. Поскольку смерть и убийство не становятся здесь объектом подробного рассказа (как это происходит в сценах сражения в «Беовульфе» или дальше в «Исходе» при изложении гибели в водах Красного моря), мотивы данной темы практически отсутствуют. Возникает лишь фраза *dugoð forð gewat* (Ех 41 b) — «дружина вперед пошла», которая была, видимо, стандартным обозначением смерти⁶. В «Беовульфе» схожая формула (*fyrst forð gewat* — «время вперед шло») обозначает движение времени. В «Исходе» она повторяется в строке *Mægen forð gewat* — «Войско вперед пошло» (Ех 346) — для указания начала движения армии по дну Красного моря. Таким образом, строка Ех 41 может относиться как к гибели египтян, так и к началу исхода, движения израильтян.

В этом эпизоде использованы по крайней мере два мотива темы изгнания, которые группируются в соответствии с тематической аттракцией. Традиционно используемые по отношению к одному герою-изгнаннику, в данном эпизоде эти мотивы относятся к разным героям: «*alyfed laðsið/ leode gretan, // folc ferende/ (feond wæs bereafod), // hergas on helle.*» — «дозволенный путь ненавистный/ народ приветствовал —// сыны странствующие./ Разорён был супостат// полчища — в преисподней» (Ех 44–46). Формула, обозначающая лишение (*feond wæs bereafod* (Ех 45b) ср.: *golde bereafod* (Beo 3018b)⁷), здесь относится к египтянам, тогда как в путь отправляются израильтяне. В обозначении пути *alyfed laðsið*, которое можно перевести «дозволенный/ разрешенный/ отпущенный/

⁶ Э. Б. Ирвинг отмечает, что в поэме «Бытие» формула *þa he forð gewat* дважды (Gen 1178, 1192) употреблена в значении «когда он умер» (Irving 1953)

⁷ Пример из Greenfield 1955: 202.

подаренный⁸ ненавистный путь», объединяются как бы разные точки зрения на данное путешествие: этот путь и ненавистен для египтян, поскольку они не хотят отпускать своих рабов, но он и разрешен, дозволен ими. В то же время, этот путь дарован Богом по обетованию израильтянам. Трудно представить, как могла воспринимать данный фрагмент англосаксонская аудитория, т. к., помимо неоднозначных обозначений пути, здесь мотивы темы изгнания соотносимы сразу и с египтянами («враг был ограблен») и с израильтянами, которые отправляются в путь.

Как изгнанник описан весь израильский народ во время его пути по пустыне. Но отнести израильтян к типичным изгнанникам достаточно сложно, поскольку народ сохраняет свою целостность и идет под предводительством вождя Моисея и под защитой огненного и облачного столпа. В данной библейской истории фактически всё то, что в глазах англосаксов связано с изгнанием, отсутствует. Поэтому древнеанглийский поэт не развивает здесь всю тему изгнания, он использует лишь мотив трудного пути: «Nearwe genyddon/ on norðwegas» — «Препятствия пересилили/ на путях северных» (Ex 68). Более развернутой тема изгнания становится в тот момент, когда описывается положение израильтян возле Красного моря: «Egsan stodan,/ wælgryre weroda./ Wræcmon gebad// laðne lastweard,/ se ðe him lange ær// eðelleasum/ onnied gescraf,/ wean witum fæst/» — «Страх объял (досл. страхи восстали),// ужас смерти — [всё] воинство./ Изгнанник ждал// преследователя жестокосердого,/ того, что прежде ему,/ безвотчинному,/ кару ужасную предписал,/ горе, напастями переполненное./» (Ex 136–140). Здесь возникает указание на статус изгнанника (wræcmon, eðelleasum), а далее следует разъяснение причин вражды между египтянами и израильтянами (Ex 138–154). Описанные эмоций (страх и ужас) в данном эпизоде не совпадают с типичными эмоциями изгнанника⁹. Страх упомянут и далее (Ex 201) при описании противостояния двух народов. Израильтяне в данном эпизоде вновь названы изгнанниками: «Hæfde nydfara/

⁸ alyfed страдательное причастие от глагола alyfan: give leave, permit, grant — «отпускать», «позволять», «дарить» (Bosworth, Toller 1882–1898; 1964; 1955)

⁹ Типичными эмоциями изгнанника были печаль, скорбь (ср. напр. gangan geomor-mod — «шел духом скорбящий» (о Каине) Gen 1050 (Greenfield 1955: 201)).

nihtlangne fyrst, // þeah ðe him on healfa gehwam/ hettend seomedon, // mægen oððe merestream; / nahton maran hwyrft. //» — «Достались изгнаннику (досл. «странствующему по неволе») часы ночные, // хоть его окрест / окружили полчища вражьи, // многолюдство и море. / Не имели другого пути спасительного //» (Ex 208–210). Причем здесь они лишаются как пути и возможности спасти свою жизнь, так и надежды на обретение вотчины (далее — Ex 211).

Мотивы лишения пути и страха в сочетании с мотивами темы смерти возникают в поэме и далее при описании гибели египтян и фараона. Более или менее традиционно развивается мотив предчувствия близкой смерти как обнаружения и понимания превосходящей силы противника: «He onfond hraðe, // siððan [grund] gestah, / Godes andsaca, // þæt wæs mihtigra / mereflodes Weard //» — «Он быстро изведаль, // на сушу ступив, / Божий ворог, // что был сильнее / морского потока Владыка» (Ex 502–504). Здесь глагол использован в форме единственного числа (He onfond hraðe), что, с одной стороны, объяснимо наличием аналогичных формульных моделей в героической поэзии (в частности, в «Беовульфе» (Beo 742, 748)), с другой же стороны, форма единственного числа акцентирует внимание на смерти именно фараона как воплощения дьявола. Мотив предчувствия близкой смерти по отношению к египтянам реализуется несколько иначе. При этом традиционная формульная модель не повторяется: «Wæron Egypte / eft oncyrde, // flugon forhtigende, / fær ongeton, // woldon herebleaðe / hamas findan» — «Те египтяне / вспять кинулись, // бежали в испуге, / извели ужас, // хотели, помертвевшие от битвы, / воротиться в родные дома» (Ex 452–454). Ощущая близкую смерть, египтяне пытаются от нее бежать, т. е. проявляют самое постыдное для воина поведение.

Мотив фатальности, обреченности воинов реализуется дважды в тексте по отношению к египтянам (Ex 455–457, 508–514). Здесь нет формул, аналогичных используемым в «Беовульфе», где говорится о смерти как последнем пути (Taylor 1967: 255–261). Участь египтян страшнее — это бесславная гибель, о которой никто уже не сможет рассказать их сородичам. Мотив смерти как печального пути в «Исходе» несколько изменен. Для египтян возможность передвижения означала бы спасение, потому их пути описаны как ограниченные: «ac behindan beleac // wyrd mid wæge; / þær ær wegas lagon, // mere modgode, / mægen wæs adrenced» — «но за

спинами сомкнула// судьба волну,/ там, где прежде стези были отверсты,// море бурлило,/ полки в пучине канули» (Ех 457–459). И далее аналогичный мотив ограничения движения повторяется (Ех 469–471, 488–490).

Трансформация темы смерти в «Исходе» может быть связана как с физическими аспектами гибели египтян от потопления (они в буквальном смысле утратили возможность передвижения), так и с аллегорическими смыслами, соотносимыми с этим мотивом. Идея смерти как пути в древнеанглийской поэзии становится более понятной при ее рассмотрении в контексте одного из самых популярных (судя по количеству рукописей) текстов этой традиции — «Предсмертной песни Беды»: «For þam nedfere / næni wyrþeþ// þances snotera,/ þonne him þearf sy// to gehicgenne / ær his heonengange// hwæt his gaste/ godes oþþe yfeles// æfter deaþe heonon/ demed weorþe» (Bede's Death Song 1942) — «Никто, в дорогу/ собирающийся поневоле,// занять не может/ мудрость большую,// когда он думает,/ уходящий отсюда,// зло сулит/ или благо// суд над его душою,/ что свершится по смерти» (Predsmertnaia pesn' Bedy 1982). Мотив смертного пути в этом тексте соотносится с предстоящим Судом, о котором должен размышлять христианин и о котором в Послании к евреям говорится: «Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Евр. 10:31). Для египтян и фараона как аллегории грехов и дьявола возможность спасения отсутствует, потому их смерть и описывается как утрата ими пути. Причем контекст Послания к евреям оказывается актуален не только для «Предсмертной песни Беды», но и для «Исхода»: «Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет? Мы знаем Того, Кто сказал: у Меня отмщение. Я воздам, говорит Господь. И еще: Господь будет судить народ Свой. Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Евр. 10:28–31). Упоминание здесь крови Христа в связи с предстоящим Судом соотносимо с описанием смерти египтян в кровавых водах. Аллегорически — это гибель человеческих грехов в водах крещения и в искупительной крови Христа. Понимание смертного пути как пути спасения в «Предсмертной песни Беды» позволяет увидеть новые смыслы в сцене описания гибели египтян и в мотиве утраты спасительного пути, который использован в «Исходе» по

отношению к израильтянам (nahton maran hwyrft Ex 210). Они обретают возможность спасения не сразу, но только когда решаются вступить в бой, который аллегорически является борьбой с грехом. Путь по дну Красного моря описывается без использования типичных для эпических тем смерти и изгнания мотивов. Однако это описание содержит ряд образов христианской эсхатологии¹⁰. В Книге Исход израильтяне идут по сухому дну моря, в древнеанглийской же поэме дно моря названо зеленым: «*ƿa ƿæt feorðe cyn/ firmest eode, // wod on wægstream, / wigan on heape, // ofer grenne grund, / Iudisc feða, // on onette / uncuð gelad* //» — «Тогда род четвёртый / вперёд других ринулся, // двинулись по топям морским / витязи гурьбой, // по зелёному дну / Иуды колено // поспешило / неторной тропею //» (Ex 310–313). В Книге Премудрости Соломона дно Красного моря также названо зеленым¹¹. Этот цвет в древнеанглийской поэтической традиции имел семантику спасения¹². Подобного рода образы зеленого пути или зеленого луга как места спасения есть и в других древнеанглийских, среднеанглийских¹³ и древнесаксонских¹⁴ текстах. В поэме «Бытие» зеленой названа и очистившаяся после потопа земля (Gen 1561) и Земля Обетованная (Gen 1787 и 1921), рай назван вечнозеленым (Gen 197).

Сцена гибели в водах Красного моря разрастается до масштабов глобальной катастрофы, в которой участвуют все силы природы: вода, небо, воздух. Это уже не условная битва, в

¹⁰ Обычно в связи с поэмой «Исход» упоминают следующие библейские эсхатологические образы: Откр. 16:3, Лк. 21:25, Ис. 25:12, Мф. 24:30, Мф. 24:39, Откр. 14:14–16, Ис. 14:11, Откр. 8:7, Лк. 21: 26, 1 Кор. 15:25, Иуды 13:1, 1 Фес. 5:3, Прит. 5:22, Мф. 22:13, Откр. 21:8. См. Trask 1973: 297 со ссылкой на ряд работ.

¹¹ «Явилось облако, осеняющее стан, а где стояла прежде вода, показалась сухая земля, из Чермного моря — беспрепятственный путь, и из бурной пучины — зеленая долина. Покрываемые Твоею рукою, они прошли по ней всем народом, видя дивные чудеса» (Прем. 19:7–8).

¹² Известно, что в древнеанглийском поэтическом переложении 141 Псалма путь спасения для человека также назван зеленым. В Пс. 141:4 цветное обозначение отсутствует. Это пример приводится в статье (Keenan 1970: 456).

¹³ Подробнее см. Keenan 1970; 1973. В древнеанглийской поэзии зеленый цвет упоминается почти исключительно в религиозной поэзии (Bochkareva 2007: 123).

¹⁴ Так, в древнесаксонской поэме «Хелианд» зеленым лугом названа Елеонская гора и рай (Ganina 2007: 95).

сторону которой идут израильтяне. Гибель египтян и фараона осмысливалась как эсхатологическая еще в Ветхом Завете, прежде всего — в Книге пророка Аввакума¹⁵. Ряд образов этого текста повторяется в «Исходе». Например, это описание моря как стен, холмов, вечных волн (Авв. 3:6, 3:10–11): «Randbyrig wæron rofene,/ rodor swipode// meredeaða mæst;/ modige swulton//» — «Заслонные стены рассыпались,/ небо обрушилось,/ погибель была величайшая в мире;/ могучие умирали» (Ex 463–464).

Продолжение эсхатологических мотивов встречаем и в заключительном эпизоде, описывающем сцену Страшного Суда, в которой участвуют изгнанники (wreccum (Ex 575)), лишенные вотчины (Eðellease (Ex 576)): «Þis is læne dream,//wommum awyrgeð,/ wreccum alyfed,// earmra anbið./ Eðellease// þysne gystsele/ gihðum healdað,// murnað on mode, / manhus witon// fæst under foldan, / þær bið fyr and wyrм,//...» — «Это — тщетная мечта,/ грехами загубленная,/ странникам дарованная,/ несчастных упование./ Одаля лишенные// в том пиршественном зале/ грустью овладеют,/ опечалются в душе,/ о доме зла узнают,/ крепком под землей,/ где будет огонь и червь//...» (Ex 574–579). Здесь же возникает формула-обозначение лишения жизненных благ (wreccum alyfed — «странникам дарованная» (Ex 575B)), по структуре она близка устойчивым выражениям, включающим сообщения о лишении. Аналогичные формулы используются как в Беовульфе и других поэмах¹⁶, так и в «Исходе» и обычно содержат объект и причастие от глагола с общей семантикой лишения: feond wæs bereafod — «враг был ограблен» (Ex 45), since berofene — «сокровищ лишенные» (Ex 36). Смысловое же наполнение данной формулы в строке Ex 575 («странникам дарованная») кажется абсурдным с точки зрения героических представлений об изгнании, поскольку она сообщает не о лишении радости, богатства, надежды, а о даровании, но использована она для обозначения дарования странникам суетного, быстропроходящего счастья (læne dream). Так акцентируется внимание на страданиях изгнанников. Здесь описаны также вполне типичные эмоции изгнанников — тоска, скорбь, схожая с похоронной тоской: murnað on mode — «опечалются/ восскорбят в душе» (Ex 578).

¹⁵ О связи ее с «Исходом» см. Breeze 1994.

¹⁶ См. примеры в статье Greenfield 1955: 202.

В данном эпизоде идея близости Суда наиболее последовательно выражена через упоминание о скоротечности земной жизни и земного счастья. В христианском контексте эти образы дополняются еще и рассуждением о посмертной участи человека и конце времен. Повествование обретает максимальное обобщение: странники и изгнанники здесь не только израильтяне, но и все люди, обозначенные во множественном числе (*wreccum* (Ex 575), *Eðellease* (Ex 576)), поскольку они относятся, видимо, уже не только к отдельному народу (ср. употребление данных обозначений в единственном числе в строках Ex 137, 208), но ко всем людям. Использование местоимения «мы» только подтверждает, что поэт стремится придать понятию изгнания общечеловеческий характер. При этом происходит смыкание времен рассказа и слушателя. Употребление глаголов в формах настоящего времени позволяет относить его и к плану будущего: «*ƿæt we gesne ne syn/ Godes ƿeodscipes, // Metodes miltsa./ He us ma onlyhð, // nu us boceras/ beteran secgað // lengran lifwynna./*» — «что мы лишенными не будем/ Бога власти, // Господа благодатей./ Он нам больше подарит, // теперь нам ученые мужи/ [об этом] лучше расскажут // о более долгих радостях жизни/» (Ex 571–574). Противопоставление лишения и дарения также отсылает к теме изгнания (изгнанник в силу своего одиночества лишен возможности получать дары от своего господина, в роли которого здесь выступает Господь).

Каждый человек воспринимается в данном фрагменте как изгнанник в определенный момент своей жизни, а именно в преддверии смерти. О смерти говорит, как указание на бренность мира сего, так и упоминание некоего пиршественного зала. Этот образ был типичен не только для описаний застолья славных воинов в «Беовульфe», но и для элегий, где главный герой страдает от невозможности совместной трапезы с остальными дружинниками. В «Исходе». описание пиршественного зала, где оказываются изгнанники, схоже с рассказом о скинии собрания или Небесном Иерусалиме, прообразом которого, как пишет Андрей Кесарийский, она являлась (*Bibleyskie kommentarii* 2009: 388). Именно в скинии собрания Моисей представлял народ. В соответствии с Апокалипсисом (Откр. 21:3–7), после смерти, пребывая в небесной скинии, люди узнают в преддверии Страшного Суда о том, что их ждет. Появляющийся здесь образ ключей обретает в конце поэмы связь не только с проблемой понимания текста Священного Писания (Господь открывает ключами сердца людей), но и обретением

Небесного Царства, ключи от которого принадлежат Богу. Образ пиршественного зала расширяет эсхатологические ассоциации. Странствие израильтян по пустыне за счет использования мотивов смерти и изгнания относится не только к реальному странствию живых людей — израильтян (описанному в основной части поэмы), но и к загробной участи каждого человека.

Таким образом, мотивы, составляющие эпические темы смерти и изгнания, трансформируются в тексте поэмы «Исход» с точки зрения их внешнего выражения: формула, обозначающая лишение жизненных благ, используется с глаголом, означающим дарование по отношению к израильтянам (изгнанникам дарованная) и с глаголом, означающим лишение по отношению к египтянам. Не менее значительна и трансформация сферы употребления данных мотивов: одинокий герой (Моисей в пустыне) не описан как изгнанник, целый народ и народы, напротив, именуются изгнанниками. Мотивы темы смерти использованы минимально (в поэме нет ни типичных мотивов песни смерти, ни обозначений фатальности событий), хотя гибель египтян описана достаточно подробно. Мотивы темы изгнания включали обозначения эмоций изгнанников, к которым, помимо скорби и печали, в «Исходе» последовательно добавляются обозначения страха, ужаса, которые приписываются обоим народам: израильтянам и египтянам. Мотив пути, используемый при описании гибели не только героев, но и чудовищ в «Беовульфе», в «Исходе» употребляется по отношению к израильтянам, египтяне же описаны как лишенные пути, а их гибель как безвестная. Это позволяет говорить о трансформации семантики понятия изгнания, его употреблении по отношению ко всем кающимся грешникам. Так, мотивы изгнания и смерти вполне последовательно используются для моральной оценки участников описываемых событий и аллегорического осмысления их участи. Лишенные пути египтяне в повествовании осуждаются, в противоположность странствующим израильтянам. Использование образов, связанных с Откровением Иоанна Богослова (пиршественный зал, подобный Небесному Иерусалиму, ключи понимания Слова Божия и др.) позволяет наполнить ветхозаветный сюжет пророческими смыслами, встроить его в общечеловеческую перспективу.

В целом, проведенный анализ использования мотивов, составляющих эпические темы смерти и изгнания, в поэме «Исход» показывает, что они могут как группироваться вместе

в соответствии с тематической аттракцией, так и возникать отдельно. При этом они редко используются для последовательного построения целых эпизодов, но расширяют семантику понятия изгнания, а также представление о смерти, наполняя их христианскими смыслами.

Литература

- Bede's Death Song 1942: In: *The Anglo-Saxon Poetic Records. A Collective Edition VI. The Anglo-Saxon Minor Poems*. Dobbie E. van K. (ed.) New York: Columbia University Press; London: George Routledge & Sons, 107.
- Benson, L. D. 1966: The Literary Character of Anglo-Saxon Formulaic Poetry. *Publications of Modern Language Association of America* 81 (Oct), 334–341.
- Bibleyskie kommentarii 2009: [Biblical Commentaries of the Church Fathers and other Authors of I–VIII cent. New Testament. Vol XII. Book of Revelation of John]. V. S. Vainrikh, D. A. Fedchuk (ed.). Tver'.
- Библейские комментарии 2009: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Том XII: Книга Откровения Иоанна Богослова. В. С. Вайнрих, Д. А. Федчук (ред.) Тверь.
- Bjork, 2002: Sundor æt Rune: the Voluntary Exile of the Wanderer. *Old English literature. Critical essays*. R. M. Liuzza (ed.) Newhaven, London, 315–327.
- Bochkareva, T. V. 2007: [System of Colour Words in Old English], In: *Naimenovaniia tsveta v indoevropskikh iazykakh. Sistemnyi i istoricheskii analiz* [Colour Words in Indo-European Languages. Systematic and Historical Analysis]. Vasilevich A.P. (ed.), Moscow: «KomKniga», 112–125.
- Бочкарева Т. В. 2007: Система цветообозначений в древнеанглийском языке. В сб.: *Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ*. Василевич А. П. (ред.) Москва: «КомКнига», 112–125
- Bosworth, J., Toller, T. N. 1882–1898; 1964; 1955: *An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth. Ed. and enlarged by T. N. Toller*. Oxford.
- Breeze, A. 1994: The book of Habakkuk and Old English Exodus. *English Studies*, 75:3, 210–213.
- Cherniss, M. 1972: Ingeld and Christ: Heroic Concepts and Values in Old English Christian Society. The Hague–Paris: Mouton.
- Exodus 1953: Old English *Exodus*. E. B. Jr. Irving (Ed. with Intr., Notes and Glos.) New Haven
- Ganina, N. A. 2007: [System of Colour Words in Old High German and Old Saxon], In: *Naimenovaniia tsveta v indoevropskikh iazykakh. Sistemnyi i istoricheskii analiz* [Colour Words in Indo-European

- Languages. Systematic and Historical Analysis*]. Vasilevich A.P. (ed.), Moscow: «KomKniga», 83–100.
- Ганина, Н. А. 2007: Система цветообозначений в древневерхне-немецком и древнесаксонском языках. В сб.: А. П. Василевич (ред.) *Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ*. М.: «КомКнига», 83–100
- Greenfield, S. B. 1955: The Formulaic Expression of the Theme of Exile in Anglo-Saxon Poetry. *Speculum* 30 (1). 200–206
- Greenfield, S. B. 1989: Hero and Exile: The Art of Old English Poetry. G. H. Brown (ed.). London: The Hambledon Press.
- Irving, E. B. Jr. 1953: Notes and Glossary. In: Old English *Exodus*. E. B. Jr. Irving (Ed. with Intr., Notes and Glos.) New Haven
- Keenan, H. T. 1970: Exodus 312. 'The Green Street of Paradise'. *Neuphilologische Mitteilungen*, LXXI (3), 455–460.
- Keenan, H. T. 1973: Futher Notes on the Eschatological "Green Ground". *Neuphilologische Mitteilungen*, LXXIV (4), 217–219.
- Kleiner, Yu. A. 2013: [Oral Tradition and the Tradition of Fixed Texts]. In: Glazyrina G. V. (ed.) *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2011 god* [*The First States of Eastern Europe 2011: Oral Tradition in a Written Text*]. Moscow, 221–246.
- Клейнер Ю. А. 2013: Устная традиция и традиция фиксированных текстов. В сб.: Г. В. Глазырина (ред.) *Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: устная традиция в письменном тексте..* М., 221–246.
- Lord, A. B. 1994: [The Singer of the Tales]. Yu. A. Klejner and G. A. Levinton. (transl. and comm.). Moscow: «Vostochnaya literatura». Лорд, А. Б. Сказитель. Ю. А. Клейнер и Г. А. Левинтон (пер. с англ. и коммент.). М.: «Восточная литература».
- Magoun, F. P. 1968: Oral Formulaic Character of Anglo-Saxon Narrative Poetry. In: *The Beowulf poet: A Collection of Critical Essays*. D. Fry (ed.) New York, 83–108.
- Magoun, F. P. Jr. 1955: The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry. *Neuphilologische Mitteilungen*. LVI. 81–90
- Predsmertnaia pesn' Bedy 1982: [Bede's Death Song] V. G. Tikhomirov (transl.), In: *Drevneangliiskaia poeziia* [*Old English Poetry*]. Moscow: Nauka, 27.
- Предсмертная песнь Беды / Пер. В. Г. Тихомирова // *Древнеанглийская поэзия*. М.: Наука, 27.
- Taylor, P. B. 1967: Themes of Death in "Beowulf", In: *Old English Poetry. Fifteen Essays*. R. P. Creed (ed.), Providence, 249–273.
- Trask, R. M. 1973: Doomsday imagery in the Old English Exodus. *Neophilologus*, 57, 295–297.